

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал

2008
XVII

ЭКСПРЕСС-ВЫПУСК
418
EXPRESS-ISSUE

2008 № 418

СОДЕРЖАНИЕ

-
- 731-733 О попытках гнездования некоторых вьюрковых на путях весенней миграции. В.Н.РЫЖАНОВСКИЙ
- 734-738 О воровстве строительного материала у птиц. А.В.БАРДИН
- 738-739 К распространению обыкновенной горихвостки *Phoenicurus phoenicurus* в Якутии. Ф.П.СОЛОВЬЁВ, В.Т.СЕДАЛИЩЕВ
- 739-740 Зимний залёт белокрылого жаворонка *Melanocorypha leucoptera* в западные предгорья Алтая. Н.Н.БЕРЕЗОВИКОВ
- 740-744 Моевка *Rissa tridactyla* в Болгарии и на сопредельных территориях. Д.Н.НАНКИНОВ
- 744-746 Гнездовая находка бекаса *Gallinago gallinago* на архипелаге Семь Островов (Баренцево море, Восточный Мурман). М.В.МЕЛЬНИКОВ, А.В.ОСАДЧИЙ
- 746-749 Гнездовая морская орнитофауна острова Анциферова (Северные Курилы) в районе репродуктивного лежбища сивучей. А.М.ТРУХИН
- 749-757 Зимний состав орнитофауны Канино-Тиманской тундры и прилегающей к ней северной окраины лесотундры. А.В.МИХЕЕВ
- 758-759 «Чужая» песня дубровника *Emberiza aureola*: гибридизация или импринтинг? И.В.ФЕФЕЛОВ, В.Е.ИВУШКИН
-

Редактор и издатель А.В.Бардин
Кафедра зоологии позвоночных
Санкт-Петербургский университет
Россия 199034 Санкт-Петербург

CONTENTS

- 731-733 Breeding attempts on migration route in some finches.
V. N. RYZHANOVSKY
- 734-738 On stealing nest material from nests among some birds.
A. V. BARDIN
- 738-739 To distribution of the common redstart
Phoenicurus phoenicurus in Yakutia.
F. P. SOLOVJEV, V. T. SEDALISHCHEV
- 739-740 Winter record of the white-winged lark
Melanocorypha leucoptera in western Altai foothills.
N. N. BEREZOVNIKOV
- 740-744 The kittiwake *Rissa tridactyla* in Bulgaria
and adjacent territories. D. N. NANKINOV
- 744-746 Breeding record of the snipe *Gallinago gallinago* on Seven
Islands archipelago (the Barents Sea, Eastern Murman).
M. V. MEL'NIKOV, A. V. OSADCHY
- 746-749 Breeding sea birds near Steller's sea lion rookery
on the Antsyferov's Island (Northern Kuriles).
A. M. TRUKHIN
- 749-757 Wintering birds of the Kanin-Timan tundra and adjacent
forest-tundra. A. V. MIKHEEV
- 758-759 «Alien» song of a male yellow-breasted bunting *Emberiza
aureola*: hybridization or imprinting?
I. V. FEFELOV, V. E. IVUSHKIN
-

A. V. Bardin, Editor and Publisher
Department of Vertebrate Zoology
St. Petersburg University
St. Petersburg 199034 Russia

О попытках гнездования некоторых вьюрковых на путях весенней миграции

В.Н.Рыжановский

Институт экологии растений и животных Уральского отделения РАН,
ул. 8 марта, д. 202. Екатеринбург. 620144. Россия. E-mail: ryzhanovsky@ecology.uran.ru

Поступила в редакцию 28 марта 2008

Для обыкновенной чечётки *Acanthis flammea* Фенноскандии предполагается гнездование в течение одного сезона сначала на юге ареала, затем перелёт на север и повторное гнездование (Peironen 1957). В.К.Рябицев (1993) указывал, что на Ямал чечётки прилетают обычно в парах; в случае разорения гнезда хищником пара не распадается, но перелетает на значительное расстояние, где повторно гнездится. В течение ряда лет отлавливая воробьиных птиц, мигрирующих по долине Нижней Оби, мы периодически регистрировали самок чечёток и юрков *Fringilla montifringilla* с наседными пятнами, т.е. явно предпринимавших попытку гнездования. В районе отлова эти птицы гнездиться не могли, т.к. ловились в первые дни миграции вида и, как правило, в составе стай, попавших в одну паутинную сеть или залетевших в большую ловушку. Рассмотрим эти случаи более подробно.

В основу сообщения положены результаты весенних отловов птиц на стационаре Октябрьский (окрестности города Лабытнанги) в 1978-1983 и 1986-1989 годах. Первые 3 года птиц ловили паутинными сетями, в последующие – сетями и большой ловушкой или только ловушкой. Юрки ловились ежегодно в примерно равном количестве на единицу отлова (сеть, ловушка). Чечёток в 1986 г. весной практически не было, в 1978 г. это был массовый вид, в остальные годы – обычный. Также изменялась и плотность гнездования: юрки каждый год были обычны; обилие чечёток существенно различалось по годам: от полного отсутствия до высокой плотности гнёзд (Рыжановский 1999).

Наличие наседного пятна доказывает участие самки в размножении. Выделяют (Люлеева 1965) пять стадий его развития, соответствующих периодам строительства гнезда (I), откладывания яиц (II), насиживания (III), выкармливания птенцов (IV), окончания вождения выводка (V). Кожа наседного пятна очищается от перьев в дни строительства гнезда, в период откладки яиц через кожу становится заметной сеть кровеносных сосудов; во время насиживания эпидермис вздувается, наседное пятно напоминает ожог второй степени. С появлением птенцов кожа наседного пятна постепенно сморщивается и шелушится. В случае утраты кладки кожа наседного пятна также сморщи-

вается и шелушится. В нашем районе самки всех доминирующих видов воробьиных с такими наседными пятнами начинали регулярно ловиться в июле, с началом выкармливания птенцов, а эпизодически – уже в третьей декаде июня. Но среди пойманных чечёток и юрков самки с наседными пятнами встречались уже в первые дни прилёта, в конце мая – начале июля. Причём доля таких самок могла быть значительной (см. таблицу). В частности, в 1988 году из 18 самок юрка наседные пятна имели 8 птиц, а в 1989 году из 10 чечёток, пойманных в первую пятидневку, наседные пятна имели 9, а у юрков – 6 из 15. В 1978, 1980, 1982 и 1987 годах таких птиц мы не ловили, хотя весной 1978 года осмотрели 760 самок чечётки.

Таблица 1. Отловы самок чечёток и юрков с наседными пятнами и самцов в период весенней миграции в долине Нижней Оби

Год	<i>Acanthis flammea</i>				<i>Fringilla montifringilla</i>			
	Самцы	Самки	Самки с наседными пятнами на стадиях		Самцы	Самки	Самки с наседными пятнами на стадиях	
			I-II	IV			I-II	IV
1978	753	760	0	0	67	49	0	0
1979	79	41	7	1	20	2	1	1
1980	13	10	0	0	28	11	0	0
1981	56	41	0	8	20	12	0	4
1982	15	2	0	0	78	57	0	0
1983	64	54	2	3	21	12	0	4
1986	1	0	0	0	112	83	0	2
1987	14	3	0	0	30	18	0	0
1988	6	3	0	0	30	18	7	1
1989	25	10	2	7	20	15	0	6

Как правило, птицы с наседными пятнами попадали в сети и ловушку в составе стаи, где соотношение полов было почти равным. Например, в 1 июня 1981 сетью поймана стайка чечёток из 8 самцов и 10 самок, причём все самки имели наседные пятна. 10 июня 1981 сетью поймана стайка юрков: 4 самца и 4 самки с пятнами на 4-й стадии. В 1989 г на третий день с начала прилёта чечёток в ловушку залетела стая из 11 самцов и 7 самок, из них 6 самок имели наседные пятна на 4-й стадии. В тот же день поймана стайка юрков из 14 самцов и 10 самок, 6 из которых также были с наседными пятнами на 4-й стадии. О том, что чечётки сохраняют пару после утраты кладки или выводка уже говорилось. Возможно, у юрков часть пар также образуется на пролёте и не распадается при неудачной попытке гнездования.

Возникает вопрос: почему в некоторые годы так велика доля птиц с наседными пятнами? Линия сетей, общей длиной 50-70 м в разные го-

ды, стояла в нижней части склона коренного берега среди невысоких ив, ольх, берёз и елей перпендикулярно направлению движения мигрантов. О том, что мы ловили именно мигрантов, свидетельствует и динамика отловов: любой вид редко ловился в большом числе дольше 2 недель. Ловушка имела вход 28×8 м, стояла в куртине из ольхи и берёзы несколько в стороне от нижней кромки леса на склоне коренного берега и линии сетей. В ловушку заходили только мигранты, как лесных, так и тундровых видов. Поскольку партии пойманных птиц были небольшие, на фоне тысяч мигрирующих по долине юрков (распространение ограничено островными лесами притоков Оби) и десятков и сотен тысяч чечёток (распространение ограничено Северным Ямалом), нет оснований говорить о репрезентативности выборок. Однако у юрка в среднем за все годы 8.2% самок летели с наседными пятнами, причём в 1981, 1988, 1989 годах такие особи составляли более 30-40% самок. Достаточно много самок с наседными пятнами было среди чечёток: в среднем 3.2%, но в 1989 году – 90%. Можно представить утрату кладки вследствие разорения гнезда на стадии откладки яиц и начала насиживания у 5-10% прилетающих в лесотундру самок, но для 30-40% это нереально. Объединение пар в стаю в период миграции по признаку утраты кладки также представляется нереальным. Возможно другое объяснение: локальное резкое ухудшение погоды (снегопад, длительный холодный дождь) принуждает значительное число пар бросить гнёзда. Эти пары объединяются в стаю и вновь включаются в миграцию, т.е. объединение происходит по признаку места. Характерно совпадение сезонов наличия и отсутствия наседных пятен у самок обоих рассматриваемых видов, что возможно именно при климатических воздействиях, охватывающих большие площади. Можно также предположить, что самки с наседными пятнами на I-II стадиях предпринимали попытку гнездования в северной тайге и в южной лесотундре, а на IV стадии – в средней тайге.

Литература

- Люлеева Д.С. 1965. О наседном пятне у самок воробьиных птиц // *Новости орнитологии*. Алма-Ата: 224-226.
- Рыжановский В.Н. 1999. Взаимоотношение чечёток *Acanthis flammea* и дроздов-рябинников *Turdus pilaris* в Нижнем Приобье // *Рус. орнитол. журн.* 8 (58): 9-14.
- Рябицев В.К. 1993. *Территориальные отношения и динамика сообществ птиц в Субарктике*. Екатеринбург: 1-296
- Peiponen V.A. 1957. Wechselt der Birkenzeisig *Carduelis flammea* (L.) seit Brutgebiet während des Sommers // *Ornis fenn.* 34: 2, 12-16.

О воровстве строительного материала у птиц

А.В.Бардин

Кафедра зоологии позвоночных, биолого-почвенный факультет, Санкт-Петербургский университет, Университетская набережная, 7/9, Санкт-Петербург, 199034, Россия

Поступила в редакцию 3 апреля 2008

В ежегоднике «Птицы Москвы и Подмосковья 2004» опубликованы заметки И.В.Кузикова (2006) и М.В.Калякина (2006). В них описаны случаи, когда гнёзда ополовников *Aegithalos caudatus*, найденные во время строительства, через некоторое время бесследно исчезали.

Мне также приходилось сталкиваться с таким «загадочным» исчезновением искусных сооружений ополовников. Обратив на это внимание и проводя наблюдения, я пришёл к выводу, что в большинстве случаев виной тому было растаскивание материала гнезда другими птицами, строящими гнёзда, а также самими хозяевами, если они приступили к постройке нового гнезда взамен брошенного.

Похищение строительного материала наблюдалось в гнёздах разных видов воробьиных. В частности, я замечал такого рода воровство даже у дуплогнездников: пухляка *Parus montanus*, болотной гаички *P. palustris*, лазоревки *P. caeruleus* и хохлатой синицы *P. cristatus*. Из гнёзд при хозяевах материал утаскивался редко, тайком, небольшими порциями, из брошенных – гораздо чаще. Обычно заимствовались лишь наиболее дефицитные материалы – шерсть, пух, перья, а основная часть постройки ещё долго оставалась на своём месте.

Полностью растаскивались чаще всего гнёзда именно ополовника. Это объясняется ценными качествами материала, из которого они сделаны. Наружный слой образован множеством мелких кусочков лишайника (а также кусочков мха, чешуй почек, луба, коры берёзы и т.п.), скреплённых обволакивающей их сеточкой из тщательно расчёсанной паутины от коконов пауков и насекомых. Всё вместе образует лёгкую и эластичную массу, которая хорошо формуется и сцепляется с субстратом. Гнездо из «шёлка», импрегнированного растительным материалом, достаточно прочно и сильно растяжимо. Последнее качество очень важно, так как число птенцов в выводке этого вида может достигать 14, а оба родителя ночуют вместе с ними в гнезде до самого их вылета. На изготовление гнездовой массы у ополовников уходит очень много времени. Много времени занимает и поиск дефицитных материалов, формовка, выстилка гнезда изнутри. В целом строительство гнезда у этих птиц может длиться 3-4 недели, с перерывами в дни с ненастной погодой.

В апреле 1974 г. мне удалось почти от начала до конца проследить постройку гнезда ополовниками в окрестностях г. Печоры Псковской области. Гнездо располагалось на краю смешанного леса (ель, сосна, осина, берёза) на берёзе *Betula pendula* между стволом и толстой ветвью, на высоте 4 м от земли. 6 апреля сооружалась платформа в основании гнезда (строительство, видимо, началось 5 апреля), 8 апреля начато возведение боковых стенок. 16 апреля гнездо снаружи выглядело готовым. Птицы оформили леток и начали укреплять и выстилать стенки гнезда изнутри, используя шерсть, пух, полоски луба осины *Populus tremula* и тонкой коры берёзы. До 25 апреля, когда гнездо было разорено, птицы продолжали выстилать его шерстью и перьями.

Строили гнездо обе птицы. Летали всё время вместе, материал собирали в радиусе 40-50 м. Эта пара совсем не использовала мох, что было связано с сырой погодой, когда трудно найти сухие его дерновинки. Главным растительным материалом был растущий на деревьях лишайник – в основном *Hypogymnia physodes*, изредка *Cetraria sepincola*, *Cetraria glauca*, *Parmeliopsis hyperopta* и др. Отдельно собиралась паутина.

Подцепившись к веточке, птицы отрывали небольшие кусочки таллома лишайника. Набив ими рот, ополовники парочкой летели к гнезду, приближаясь к нему одним и тем же путём. Одна птица тотчас садилась в гнездо, другая – на веточку рядом. Делая основание и стенки, птица множество раз водила клювом из стороны в сторону, как бы «размазывая» кусочки лишайника по поверхности. Они прилипали к паутине. Разместив кусочки, птица затем долго опутывала их паутинками. Один сеанс такой работы обычно занимал более 10 мин, а мог длиться и до 30 мин. Всё это время другой член пары терпеливо ждал своей очереди. Когда первая птица заканчивала пристраивать принесённую паутину или лишайник, её место занимала вторая. Пока она «работала», первая могла ещё один-два раза собрать лишайник или паутину на ближайших ветвях. Плетение стенок занимало почти всё светлое время суток (с 2-3 перерывами на кормление в час) в течение 10 дней. Гнездостроение включало и другое весьма разнообразное поведение (описание см., например: Perrins 1979, р. 77-80), но в данном случае важно то, что много времени уходит на изготовление самого материала стенок. Поэтому для птиц этот материал является очень «дорогим» в смысле затрат на него времени и энергии, а использование уже готового – выгодным с точки зрения их экономии.

С 16 апреля, когда был возведён свод гнезда, поведение птиц изменилось. С этого времени они стали проводить ночь внутри гнезда, а днём около него были гораздо осторожнее, чем раньше. Теперь ополовники искали перья для выстилки гнезда, далеко перемещались в их поисках и появлялись у гнезда гораздо реже, всегда парой.

Совместная ночёвка партнёров в гнезде — одна из замечательных особенностей ополовника. Как показали исследования в Англии на *A. c. rosaceus*, в первые дни строительства гнезда ополовники, как и зимой, продолжают ночевать коллективно, всей зимней социальной группой, собираясь стайкой вечером и вновь разлетаясь парочками по утрам. Когда же гнездо приобретает законченную форму, пары начинают проводить ночи в гнёздах и продолжают ночевать в них вплоть до вылета птенцов (Lack, Lack 1958; Gaston 1973). Ещё до завершения строительства гнезда в нём появляются первые яйца. Кладка у этого вида — одна из самых больших среди наших воробьиных, так что период откладки яиц занимает около 2 недель.

Как известно, успешность размножения ополовников очень низка. Так, в Уайзем-Вуд под Оксфордом в разные годы было разорено 86% (Lack, Lack 1958) и 84% гнёзд (Gaston 1973), причём, по данным последнего исследователя, 43% гнёзд оказывалось разорённым ещё до начала кладки. Возникает вопрос, какова же причина столь частого разорения недостроенных гнёзд. Дневных хищников (а для ополовника главный враг — это сойка *Garrulus glandarius*) может приучать к этому возможность найти яйца даже в недостроенных гнёздах, а ночных (куны) — ночующих там взрослых птиц. Но строящиеся гнёзда могут представлять интерес и просто как источник строительного материала. Это обстоятельство редко принимается во внимание исследователями, но в условиях дефицита строительного материала оно может быть важной причиной разорения гнёзд.

Нужно заметить, что даже просто побеспокоенные на ночлеге ополовники нередко бросают гнёзда и начинают строить новые. При этом они часто используют материал брошенного гнезда. Отчасти благодаря этому повторные гнёзда строятся гораздо быстрее.

Но вернёмся к гнезду, находившемуся под наблюдением в 1974 г. 24 апреля я видел, как самка зяблика *Fringilla coelebs* ухитрилась незаметно утащить из него клочок материала, хотя ополовники решительно отгоняли её при попытке приблизиться к их гнезду. На следующий день, когда гнездо было брошено, зяблики стали растаскивать его уже совершенно открыто. А через пару дней от постройки ополовников не осталось и следа. Как раз настали тёплые дни. 25 апреля началось икрометание у травяных лягушек *Rana temporaria*, 26 апреля вылупились первые птенцы хохлатых синиц *Parus cristatus*, зяблики дружно строили гнёзда.

Сами зяблики тоже очень сильно страдают от растаскивания их гнёзд другими птицами. Например, 3 мая 1973 г. на вишне перед нашим окном в Печорах начала строить гнездо самка зяблика. Вскоре этим гнездом заинтересовались домовые воробьи *Passer domesticus* и стали таскать из него материал. Самец зяблика, как мог, препятство-

вал воробьям, но те обычно действовали группами. В конце концов зяблики были вынуждены бросить гнездо, и воробьи беспрепятственно разнесли весь строительный материал по своим гнёздам. О частом растаскивании строящихся гнёзд зябликов другими птицами сообщают также А.С.Мальчевский и Ю.Б.Пукинский (1983, с. 339).

Несколько раз мне доводилось видеть, как сойки находили строящиеся гнёзда зябликов, выхватывали из него внутренний слой и уносили в свои гнёзда. Возможно, что они могут таким же образом поступать и с гнёздами ополовников, но этого мне видеть не довелось. Зато использование чужих гнёзд для выстилки собственных я неоднократно наблюдал у саксаульной сойки *Podoces panderi*, когда в 1979 и 1981 годах работал в Заунгузских Каракумах, на стационаре кафедры зоологии позвоночных Ленинградского университета в окрестностях крепости Шах-Сенем.

Строительством гнезда у саксаульной сойки занимаются оба члена пары. Наружный каркас сооружается из тонких сухих веточек. Внутри делается плотная чаша из размочаленной сухой травы, корней, коротких сухих веточек, тряпок, луба. Лоток обильно выстилается сухой травой, волокнами луба, тонкими корешками, тряпками, растительным пухом, шерстью зайцев, овец, верблюдов. Всё это спутывается в плотный войлок. Материалы для лотка редко встречаются в пустыне. Поэтому при строительстве нового гнезда взамен разорённого сойки обычно перетаскивают в него выстилку из старого гнезда. Более того, как показали наблюдения, саксаульные сойки часто используют в качестве строительного материала гнёзда южных бормотушек *Hippolais rama* – фоновых птиц полужакреплённых песков, чьи гнёзда легко обнаружить в полупрозрачных кронах пустынных кустарников. Некоторые найденные гнёзда *P. panderi* были полностью выстланы частями и целыми гнёздами этих птичек!

16 мая 1981, следя за парой строящих гнездо саксаульных соек, я стал свидетелем такого эпизода. Сойки искали и носили строительный материал, передвигаясь в основном пешком. Перебегая от деревца к деревцу, они наткнулись на уже известное мне гнездо бормотушки, располагавшееся на высоте 1 м на белом саксауле *Haloxylon persicum*. В гнезде была неполная кладка из 2 яиц. Сойка (самка) вскочила на ветку, схватила клювом гнездо, сдёрнула его с ветки и вытряхнула содержимое. Не обращая внимания на волнующихся рядом бормотушек и на упавшие в песок яйца, она оторвала клочок от гнезда, спрыгнула на землю и побежала к своему гнезду. Самец последовал за ней. Видимо, моё присутствие помешало ему взять строительный материал, так как самцы более осторожны, чем самки. Однако вскоре сойки возвратились и перетаскивали весь материал разорённого ими гнезда в своё. Выброшенные на песок яйца бормотушки они так и не тронули. Очевидно,

ими владела иная доминанта и они отнеслись к гнезду только как к источнику дефицитного строительного материала. Гнездо соек находилось в 80 м на склоне небольшого бархана на краю такыра. Оно было устроено на белом саксауле на высоте 1.2 м. Гнездо (повторное, после разорения первого) было почти готово, шла выстилка лотка. Добавлю, что первое яйцо в этом гнезде появилось 18 мая, а в полной кладке было 6 яиц (масса яиц в день откладки 5.7, 5.9, 6.0, 6.0, 6.3, 6.3 г).

Только что рассмотренный случай – уже не воровство, а грабёж, причём «целью» разорения гнёзд была не пища (яйца или птенцы), а материал, из которого они построены. Обычно, однако, чужой строительный материал не столь притягателен для других птиц, как, например, пища. Но при некоторых условиях и в отношении некоторых видов и сами гнёзда могут служить объектом регулярного «промысла» со стороны других птиц. И в частности, этот фактор оказывает весьма заметное влияние на успешность гнездования ополовника.

Литература

- Калякин М.В. 2006. На ту же тему – про гнездо ополовника в Виноградовской пойме р. Москвы // *Птицы Москвы и Подмосковья – 2004*. М.: 80.
- Кузиков И.В. 2006. Загадочное исчезновение гнезда ополовника // *Птицы Москвы и Подмосковья – 2004*. М.: 79-80.
- Мальчевский А.С., Пукинский Ю.Б. 1983. *Птицы Ленинградской области и сопредельных территорий: История, биология, охрана*. Л., 2: 1-504.
- Gaston A.J. 1973. The ecology and behaviour of the long-tailed tit // *Ibis* **115**: 330-351.
- Lack D., Lack E. 1958. The nesting of the long-tailed tit // *Bird Study* **5**: 1-19.
- Perrins C.M. 1979. *British Tits*. London: 1-304.

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2008, Том 17, Экспресс-выпуск 418: 738-739

К распространению обыкновенной горихвостки *Phoenicurus phoenicurus* в Якутии

Ф.П.Соловьёв, В.Т.Седалищев

Второе издание. Первая публикация в 1981*

В Якутии горихвостка *Phoenicurus phoenicurus* впервые отмечена Б.Н.Андреевым (1974) весной 1965 года в окрестностях села Вилючан

* Соловьёв Ф.П., Седалищев В.Т. 1981. К распространению обыкновенной горихвостки в Якутии // *Орнитология* **16**: 158.

Сунтарского района. В юго-западной Якутии обыкновенную горихвостку встретил Г.П.Ларионов (устн. сообщ.).

Мы добыли взрослую самку *Ph. phoenicurus* 27 августа 1973 в районе бассейна Средней Лены, в 100 км ниже устья Вилюя, в смешанном лесу. Летом 1975 г. в гнездовой период мы неоднократно видели обыкновенную горихвостку в окрестностях города Вилюйска.

Литература

Андреев Б.Н. 1974. *Птицы Вилюйского бассейна*. Якутск: 1-311.

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2008, Том 17, Экспресс-выпуск 418: 739-740

Зимний залёт белокрылого жаворонка *Melanocorypha leucoptera* в западные предгорья Алтая

Н.Н.Березовиков

Лаборатория орнитологии и герпетологии, Институт зоологии Центра биологических исследований Министерства образования и науки, проспект Аль-Фараби, 93, Академгородок, Алматы, 050060, Казахстан. E-mail: berezovikov_n@mail.ru

Поступила в редакцию 28 апреля 2008

Основная область зимовки белокрылого жаворонка *Melanocorypha leucoptera* в Казахстане находится в пустынных местностях в междуречье Сырдарьи, Чу, Или, Лепсы и Аягуза. Северо-восточнее, в алтайских предгорьях, случаи появления этого вида исключительно редки и известна лишь одна зимняя встреча для Усть-Каменогорска (Хроков 1979; Кучин 1982; Березовиков и др. 2007). Приведём ещё один случай залёта *M. leucoptera* в западные предгорья Алтая в ранних зимних условиях. На окраине села Берёзовка, в 60 км западнее города Усть-Каменогорска, во время сильной метели 17 ноября 1976 на выдувах правого берега Иртыша наблюдались 4 белокрылых жаворонка, один из которых добыт мной в коллекцию. Вместе с ними кормились 9 рогатых жаворонков *Eremophila alpestris* и 1 зяблик *Fringilla coelebs*.

Литература

Березовиков Н.Н., Самусев И.Ф., Хроков В.В., Егоров В.А. 2007. Воробьиные птицы поймы Иртыша и предгорий Алтая. Часть 1 // *Рус. орнитол. журн.* **16** (371): 1031-1055.

Кучин А.П. 1982. *Птицы Алтая. Воробьиные*. Барнаул: 1-206.

Хроков В.В. 1979. Поздние встречи некоторых птиц в Усть-Каменогорске // *Биологические ресурсы Алтайского края и пути их рационального использования*. Барнаул: 198-200.

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2008, Том 17, Экспресс-выпуск 418: 740-744

Моевка *Rissa tridactyla* в Болгарии и на сопредельных территориях

Д.Н.Нанкинов

Болгарский орнитологический центр, Институт зоологии Болгарской Академии наук, бульвар Царя Освободителя 1, София 1000, Болгария. E-mail: nankinov@yahoo.co.uk

Поступила в редакцию 14 мая 2008

Моевка *Rissa tridactyla* была обнаружена в Болгарии сравнительно поздно. Сообщения о ней начали появляться только полвека тому назад, т.е. после 1957 года. Причиной этого, может быть, явилось то, что в XIX и первой половине XX века орнитологические исследования в стране велись мало и эпизодически. А между тем оказалось, что в Музее города Плевен хранятся два чучела моевок, первоначально определённых неверно. В 1953 году этот музей посетил известный русский зоолог Владимир Эммануилович Мартино. Он осмотрел одно из чучел и правильно определил вид птицы. Это была взрослая моевка в зимнем наряде. Её нашли в окрестностях Плевена в апреле-мае 1937 (Боев 1957). О второй моевке из коллекции Плевенского музея (добыта в 1928 г. также в окрестностях города) мы узнали спустя несколько десятилетий (Димитров 1981).

21 ноября 1961 препаратор областного музея Иван Иванов убил молодую моевку в первом зимнем наряде на Дунае у города Русе. Птица держалась в стае озёрных чаек *Larus ridibundus* (Унджиян, Иванов 1966). Впоследствии, в связи с расширением орнитологических исследований в стране, сообщения о наблюдении моевок на территории Болгарии стали появляться чаще.

Во время январских учётов водоплавающих птиц 21 января 1980 две молодые моевки были замечены в Чёрном море у мыса Калиакра (Нанкинов и др. 1997). 29 августа 1985 на Атанасовском озере (город Бургас, Восточная Болгария) видели 3 моевок (Michev *et al.* 1999). 9 июня 1989 над заливом у курорта Албена нами была замечена стая моевок из 8 птиц, которые ранним утром (около 6 ч), выстроившись в колонну, летели в северном направлении низко над водой. Следующие

наблюдения: март 1992 – взрослая птица на болоте Алепу и ещё одна птица 1 ноября 1993 на водоёмах Долни – Богров, Софийского округа (*Neophron*, 1994, 1: 36); 1 и 2 ноября 1997 – молодую птицу в зимнем наряде сначала наблюдали, а потом нашли мёртвой на водохранилище Горни – Дъбник, Плевенского округа (Шурулинков и др. 2005); 16 ноября 1997 – взрослая и молодая моевки на водохранилище Лобош, Перникского округа (Shurulinkov 2004); 5 октября 2000 – 5 моевок в заливе Албена (Nankinov *et al.* 2001); 11 ноября 2001 – одна моевка в окрестностях Бургаса (Davies 2002). Добытые в Болгарии моевки имели длину крыла 308-322 мм (Боев 1957; Унджиян, Иванов 1966).

Видно, что моевок можно встретить в Болгарии на протяжении круглого года как во время сезонных миграций, так и зимой и летом. Чаще всего эти птицы появляются в Черноморских заливах (Албена, Калиакра), но они останавливаются также и на причерноморских озёрах и болотах (Атанасовское озеро, болото Алепу), на реке Дунай и на внутриконтинентальных водоёмах (Плевен, Долни – Богров, Горни – Дъбник, Лобош). Частота встреч моевок в Болгарии возрастает и будет возрастать. Эти птицы почти каждый год пересекают территорию страны, так как их находили и часто находят на сопредельных территориях. Кроме болгарских морских заливов, встречи моевок известны и по всему побережью Чёрного моря (Nordmann 1840; Irby 1857; Раде 1885; Бернацкий 1954; Кістяківський 1957; Строков 1974; Kiss 1977; Костин 1983; Сиохин и др. 1988; Юдин, Фирсова 1988). 21 апреля 1992 при заходе парома Варна – Одесса в порт Ильичёвска мы наблюдали летающую стайку из трёх моевок. Ещё в конце XIX века моевки регулярно зимовали и кормились возле рыболовецких судов у Константинополя (Alleon 1880). Их находили в таких же местах и в других районах Турции и позднее (OST Bird Report 1975; van den Berg 1998). Моевки проникают и ещё южнее – к Ближнему Востоку и Северной Африке, их встречали (осенью, зимой, весной и летом) в Израиле, на Синайском полуострове, у берегов Красного моря, на Суэцком канале и других водоёмах Египта (Goodman, Meininger 1989). В Греции моевки ежегодно зимуют в небольшом числе (с октября по март) по северному побережью и возле островов Эгейского моря или в Ионическом море (Bauer *et al.* 1969; Handrinos, Akriotis 1997). Множество раз моевок регистрировали (ноябрь-апрель, май) на территории бывшей Югославии, в Сербии, Македонии, Хорватии и Словении (Матвејев 1950; Matvejev, Vasic 1973). Их отмечали в Албании (Lamani, Puzanov 1963). Посещают они и Румынию – не только берег Чёрного моря, но и западные районы. Их встречали в Трансильвании с октября по апрель (Lintia 1955). Много встреч моевок в Венгрии (Keve 1975).

Все эти данные показывают, что моевки нередко пересекают внутренние районы Европы, в том числе и Балканский полуостров, как на

осеннем пролёте (сентябрь-ноябрь), так и в другие сезоны. По словам А.Кеве (1975), спорадические залёты моевок в этой части Европы происходят зимой, а весной иногда наблюдаются инвазионные налёты. Инвазии моевок во внутренние районы Европы вызваны сильными штормами в Атлантическом океане (Pulliainen 1962), т.е. в районах регулярных миграции и зимовок европейских моевок. Сильные ветры в Северной Атлантике заставляют тысячи птиц проникать, например, в Шотландию (Sandeman 1974). Выявлена положительная корреляция числа их встреч со скоростью и направлением ветров в Северной Атлантике (Manikowski 1975). Более частые встречи моевок в Болгарии и в соседних странах в последние несколько десятилетий можно связать и с неуклонным ростом численности населения вида по всему ареалу (Юдин, Фирсова 1988).

Установлено (Wooller, Coulson 1977), что моевки начинают размножаться в возрасте 3-8 лет, большинство впервые гнездится в возрасте в 4-5 лет, причём самки возвращаются в колонию на год раньше самцов. Птицы покидают зимовки в феврале-марте. Поэтому всех особей, что наблюдаются на водоёмах Болгарии и сопредельных стран, следует считать не гнездящимися. Молодые моевки, не достигшие половой зрелости, как правило, предпринимают более дальние миграции, не возвращаются на места рождения и задерживаются в районе зимовок. У взрослых же птиц хорошо выражен гнездовой консерватизм (Дементьев 1955; Coulson 1972).

Моевки, встреченные в Болгарии и на соседних территориях имеют, вероятно, разное происхождение. Как уже было сказано, в результате сильных штормовых ветров некоторые птицы вторично покидают свои традиционные массовые зимовки в Атлантическом океане, переселяются и кочуют на внутренних европейских водоёмах. Это особи, происходящие из североевропейских гнездовий, которые летят на запад вдоль берегов Скандинавии в Северную Атлантику и к побережьям западноевропейских стран (Дементьев 1955). Однако можно допустить, что некоторые моевки, выведшиеся на арктических берегах Европы и Западной Азии, мигрируют на юг (в конце лета – начале осени) к руслам больших рек: Оби, Волги, Дона, Днепра, Днестра, Дуная, а также к побережьям Каспийского, Чёрного и Средиземного морей. В подтверждение наших предположений приведём следующие данные кольцевания. Одна молодая моевка, окольцованная 12 июля 1950 на острове Харлов (Восточный Мурман), найдена через 2 месяца (15 сентября 1950) на Каспийском море; другая птица, выведшаяся на Новой Земле, была добыта в Челябинской области (Дементьев 1955). Не следует исключать также возможность того, что некоторые моевки, отмеченные на Балканском полуострове, в Эгейском и Чёрном морях, происходят из самых южных гнездовий (португальских, испанских, фран-

цузских), а также, что это зимовавшие в соседних регионах Атлантического океана птицы, которые осенью и зимой откочёвывают в Средиземное море и оттуда проникают в Эгейское и Чёрное моря.

Литература

- Бернацкий Г. 1954. Зимовки моевок на Чёрном море // *Природа* (Москва) 2: 119.
- Боев Н. 1957. Допълнение към видовия списък на птиците в България // *Изв. на Зоол. инст. с музей, БАН* 6: 589-597.
- Дементьев Г.П. 1955. Миграции моевки (*Rissa tridactyla* L.) по данным кольцевания в СССР // *Тр. Бюро кольцевания* 8: 22-32.
- Димитров В. 1981. Орнитологическата колекция на Природонаучния музей в гр. Плевен // *Орнитол. информ. бюл.* 9: 12-24.
- Кістяківський О.Б. 1957. *Фауна України. Том 4. Птахи*. Київ: 1-432.
- Костин Ю.В. 1983. *Птицы Крыма*. М.: 1-240.
- Матвејев С.Д. 1950. *Распространение и живот птица у Србији*. Београд: 1-362.
- Нанкинов Д., Симеонов С., Мичев Т., Иванов Б. 1997. *Фауна на България. Том 26. Aves. Част 2*. София: 1-427.
- Радде Г. 1885. *Орнитологическая фауна Кавказа*. Тифлис: 1-450.
- Сиохин Ф.Д., Черничко И.И., Ардамацкая Т.Б. и др. 1988. *Колониальные гидрофильные птицы юга Украины*. Киев: 1-176.
- Строков В.В. 1974. Зимовки водоплавающих птиц у Черноморских берегов Кавказа // *Орнитология* 11: 274-278.
- Унджиян Е., Иванов И. 1966. Трипръста чайка – *Rissa tridactyla* L. – при Русе // *Изв. на Нар. Музей – Русе* 2: 221-223.
- Шурулинков П., Цонев Р., Николов Б., Стоянов Г., Асенов Л. 2005. *Птиците на Средна Дунавска равнина*. София: 1-120.
- Юдин К.А., Фирсова Л.В. 1988. Моевка – *Rissa tridactyla* (Linnaeus, 1758) // *Птицы СССР. Чайковые*. М.: 215-226.
- Alleon A. 1880. Catalogue des oiseaux observees aus environs de Constantinople // *Bull. Soc. Zool. Franse* 5: 80-116.
- Bauer W., Herversen O.v., Hodge M., Martens J. 1969. *Catalogus Faunae Graeciae. Pars 2. Aves*. Thessaloniki: 1-203.
- Coulson J. 1972. The significance of the pair-bond in the Kittiwake // *Proc. 15th Int. Ornithol. Congr.* Hague: 424-433.
- Davies C. (comp.) 2002. The European Bird Report. Nonpasserines // *Brit. Birds* 95, 4: 174-188.
- Goodman S., Meininger P. (eds) 1989. *The Birds of Egypt*. Oxford Univ. Press: 1-450.
- Handrinos G., Akriotis T. 1997. *The Birds of Greece*. London: 1-336.
- Irby L. 1857. List of birds observed in the Crimea // *The Zoologist*: 5353-5362.
- Keve A. 1975. A csullo Magyarorszagon // *Aquila* 80/81: 139-147.
- Kiss J. 1977. Zugs – und Ueberwinterungsbeobachtungen einiger Vogelarten im Donaudelta // *Vogel der Heimat* 48, 3: 60-62.
- Lamani F., Puzanov V. 1963. Liste e Shpendeve qe duhel te jene ne vendin tone por qe nuk jane konstatuar akoma // *Bul. U. Sh. Tirane, Ser. Shk. Nat.* 17, 2: 122-125.
- Lintia D. 1955. *Pasarile din R.P.Romania*. Bucuresti, 3: 1-487.

- Manikowski S. 1975. The effect of weather on the distribution of kittiwakes and fulmars in the North Atlantic // *Acta zool. Cracov.* **20**, 13: 489-497.
- Matvejev S., Vasic V. 1973. *Catalogus faunae Jugoslaviae. IV/3. Aves.* Ljubljana: 1-118.
- Michev T., Profirov L., Dimitrov M., Nyagolov K. 1999. The birds of Atanasovsko Lake. Status and check list // *Bourgas Wetl. Publ. Ser. 1, BSBCP.* Bourgas: 1-32.
- Nankinov D., Dobrinina I., Kharitonov S. 2001. Die Avifauna am Unterlauf des Batova – Flusses während des Herbstzuges, NE – Bulgarien // *Ornithol. Mitt.* **53**, 6/7: 201-209.
- Nordmann A. 1840. Catalogue raisonne des oiseaux de la faune Pontique // *Voyage dans la Russie meridionale et la Crimée par Mr. A. Demidoff.* Paris, **3**: 67-306.
- Pulliainen E. 1962. The invasions of the kittiwake (*Rissa tridactyla*) into Finland in February and March 1959 and 1962 // *Ornis fenn.* **39**, 3: 81-96.
- Sandeman G. 1974. A large movement of kittiwakes in the Forth // *Scot. Birds* **8**, 2: 77-78.
- Shurulinkov P. 2004. Kittiwake *Rissa tridactyla* // *Acrocephalus* **25**, 123: 235.
- The Ornithological Society of Turkey. Bird Report.* 1975. **3**: 1-319.
- van den Berg A. 1998. WP reports // *Dutch Birding* **20**, 5: 246-253.
- Wooller R., Coulson J. 1977. Factors affecting the age of first breeding of the kittiwake *Rissa tridactyla* // *Ibis* **119**, 3: 339-349.

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2008, Том 17, Экспресс-выпуск 418: 744-746

Гнездовая находка бекаса *Gallinago gallinago* на архипелаге Семь Островов (Баренцево море, Восточный Мурман)

М.В.Мельников^{1,2)}, А.В.Осадчий¹⁾

¹⁾ Кандалакшский государственный природный заповедник,
ул. Линейная, д. 35, г. Кандалакша, Мурманская область, 184040, Россия

²⁾ Кафедра зоологии и экологии, естественно-географический факультет,
Липецкий государственный педагогический университет,
ул. Ленина, 42, Липецк, 398020, Россия. E-mail: zoologia@lspu.lipetsk.ru

Поступила в редакцию 20 мая 2008

Бекас *Gallinago gallinago* является гнездящейся птицей тундр севера Кольского полуострова. В окрестностях посёлка Териберка – это редкий гнездящийся вид (Кищинский 1960). В поймах от реки Вороньей до реки Йоканги бекас обычен или немногочислен (Михайлов 1993). В первых фаунистических сводках по архипелагу Семь Островов этот вид не упоминается (Успенский 1941; Спангенберг 1941). Первого бекаса (самку с атрофированными фолликулами) добыл на острове

Харлов 7 июля 1960 М.А.Воинственский (Герасимова и др. 1967). Первое гнездо *G. gallinago* с полной кладкой найдено 2 июля 1968 на материковой части заповедника между реками Харловкой и Вояткой (Рубинштейн 1970). На островах Восточного Мурмана отмечены только залёты бекаса в летнее время (Бианки и др. 1993).

В Летописях природы Кандалакшского заповедника встречи бекасов упоминались в 1960, 1966, 1967, 1969, 1975, 1977-1979, 1986-1990, 1993 и 1998 годах. Как указывают Ю.В.Краснов и Н.Г.Николаева (1992), токующие бекасы неоднократно встречались на острове Харлов и в прибрежной тундре материка. Но на гнездовании этот вид не отмечен ни в одном из указанных районов. Средняя многолетняя дата первой встречи бекаса – 26 мая ($n = 7$), осенней – 24 июля ($n = 4$).

Мы проводили наблюдения на архипелаге Семь Островов в 2001, 2002 и 2004-2007 годах. Токующие бекасы были отмечены нами на острове Харлов, в основном в окрестностях озера Большого, в 2001, 2002, 2004, 2006 и 2007 годах. Причём в 2006 году мы зарегистрировали сразу 2 птицы, одна из которых токовала. Несмотря на явные признаки размножения, доказательств гнездования бекаса на островах архипелага до сих пор не было.

В 2007 году впервые для архипелага Семь Островов отмечено размножение бекаса. 16 июля 2007 на острове Харлов на берегу Большого озера мы поймали птенца данного вида. В момент описания пеньки первостепенных маховых пуховичка составляли 3-4 мм (длина головы 46.2 мм, масса тела 30 г). Есть фотография птенца.

Литература

- Бианки В.В., Коханов В.Д., Корякин А.С., Краснов Ю.В., Панева Т.Д., Татаринова И.П., Чемякин Р.Г., Шкляревич Ф.Н., Шутова Е.В. 1993. Птицы Кольско-Беломорского региона // *Рус. орнитол. журн.* **2** (4): 491-586.
- Герасимова Т.Д., Горчаковская Н.Н., Карпович В.Н., Рахилин В.К. 1967. Дополнение к фауне птиц Семи островов // *Тр. Кандалакшского заповедника* **5**: 339-344.
- Кищинский А.А. 1960. К фауне и экологии птиц Териберского района Мурманской области // *Тр. Кандалакшского заповедника* **2**: 122-212.
- Краснов Ю.В., Николаева Н.Г. 1992. *Инвентаризация наземных позвоночных заповедных территорий Восточного Мурмана: Птицы Семиостровского отдела*. Кандалакша: 1-90 (архив Кандалакшского заповедника).
- Михайлов К.Е. 1993. Авифауна зональных тундр северной части Кольского полуострова // *Рус. орнитол. журн.* **2** (1): 7-28.
- Рубинштейн Н.А. 1970. Кулики на Восточном Мурмане летом 1968 г. // *Тр. Кандалакшского заповедника* **8**: 85-94.
- Спангенберг Е.П. 1941. Состав авифауны острова Харлова и прилегающего побережья в гнездовой период 1932 г. // *Тр. заповедника «Семь островов»* **1**: 74-84.

Успенский В.С. 1941. Птицы заповедника «Семь островов» (Видовой состав и данные учета авифауны летом 1938 г.) // *Тр. заповедника «Семь островов»* 1: 5-46.

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2008, Том 17, Экспресс-выпуск 418: 746-749

Гнездовая морская орнитофауна острова Анциферова (Северные Курилы) в районе репродуктивного лежбища сивучей

А.М.Трухин

Тихоокеанский океанологический институт им. В.И.Ильичёва,
Дальневосточное отделение Российской Академии наук, Владивосток, Россия

Поступила в редакцию 3 июня 2008

До последнего времени состав гнездящихся морских птиц почти всех мелких островов Курильского архипелага остаётся изученным лишь в самых общих чертах. Остров Анциферова в этом отношении не исключение. Остров расположен в северной части Курильской островной гряды в 20 км к западу от южной оконечности острова Парамушир и представляет собой надводную часть потухшего вулкана, возвышающегося на 761 м над уровнем моря. Кратер на вершине острова не выражен, протяжённость береговой линии составляет около 12 км. Склоны острова, обильно поросшие травянистой растительностью, крутые, но скалистых обрывов мало.

В 2007 году автор работал на острове Анциферова с 5 июня по 21 июля в рамках программы по изучению репродуктивной группировки сивучей *Eumetopias jubatus*. Помимо выполнения основной задачи, по мере возможности проводились наблюдения за морскими птицами. На юго-западном берегу острова в непосредственной близости от лежбища сивучей был основан стационар, в районе которого и проводились орнитологические наблюдения, охватывавшие участок побережья и прилегающей к нему акватории протяжённостью около 500 м. Таким образом, собранная информация о птицах относится не ко всему острову, а только к ограниченному участку его побережья, за пределы которого проникнуть было невозможно из-за сложного строения берегов. Под Северной бухтой в настоящей работе понимается небольшая бухта, расположенная в 100-300 м севернее лежбища сивучей.

В результате исследований на острове Анциферова достоверно установлено гнездование 11 видов морских птиц. Кроме того, предпо-

жительно здесь гнездятся также ипатка и северная качурка. Ниже приведены сведения о статусе встреченных здесь морских птиц.

Fulmarus glacialis. Многочисленный гнездящийся вид, численность которого по результатам учётов, выполненных в 2000 г., оценивалась в 44 тыс. особей (Артюхин и др. 2001). Наши долгосрочные наблюдения подтверждают реальность этой оценки. В 2007 году глупыши приступили к откладке яиц в начале второй декады июня. Практически все размножающиеся на острове птицы относятся к тёмной морфе. Особи светлой окраски здесь редки и их доля составляет менее 1% от общего числа глупышей.

Oceanodroma furcata. Обычный гнездящийся вид. Ранее сизая качурка на острове Анциферова на гнездовании никем не отмечалась.

Oceanodroma leucorhoa. Гнёзда северной качурки на острове обнаружены не были. Тем не менее, этот вид наблюдался нами и наверняка здесь гнездится, но численность его на порядок ниже по сравнению с предыдущим видом.

Phalacrocorax urile. В районе стационара располагались 3 колонии краснолицего баклана из 3, 15 и 12 гнёзд.

Phalacrocorax pelagicus. В Северной бухте Берингов баклан гнезвился в двух колониях, число гнёзд в которых было равно 26 и 13. В отличие от краснолицего баклана, устраивавшего гнёзда на участке наших наблюдений на уступах скал, Берингов баклан гнезвился на крутых обрывах, обращённых к морю. Первые фрагменты скорлупы бакланьих яиц в форме аккуратных «половинок», свидетельствующих о начале вылупления птенцов, найдены под одной из колоний 6-8 июля. Все 5 колоний обоих видов бакланов были моновидовыми.

Larus schistisagus. Тихоокеанская морская чайка – почти непрменный элемент всех Курильских колоний морских птиц, даже сравнительно небольших. Обычна она и на острове Анциферова. Чайки паразитируют здесь на птичьей колонии, похищая яйца чаще всего из гнёзд открыто гнездящихся птиц, в частности, глупышей. Существенную долю их рациона занимают также корма, находимые на лежбище сивучей, прежде всего плаценты, остающиеся на лежбище после родов. Сроки размножения тихоокеанской морской чайки на острове типичны для региона в целом. 5 июня кладки были уже насижены, а 28 июня в гнёздах обнаружены первые птенцы. Вылупление птенцов в разных гнёздах происходило дружно.

Rissa tridactyla. Обычный вид, вместе с кайрами образующий смешанную колонию в Северной бухте. В 2007 г. здесь гнезилось до сотни пар моевок.

Uria aalge, *U. lomvia*. В районе нашего стационара располагалась одна смешанная колония обоих видов кайр и моевки. В ней было при-

близительно 120 пар кайр, из которых около 70% приходилось на толстоклювую. Видимо, больших поселений кайр на острове нет, во всяком случае, на его западной экспозиции. В вечерних сумерках здесь мы никогда не наблюдали активного лёта этих птиц; вдоль берега обычно пролетали только мелкие стайки из 3-5 птиц.

Serphus columba. Обычный гнездящийся вид острова, населяющий обильные всюду валунно-глыбовые пляжи – свои характерные местобитания.

Synthliboramphus antiquus. О гнездовании старика на острове было сообщено сравнительно недавно (Артюхин 2003). В 2007 году факт гнездования этих птиц был подтверждён. В ночь с 14 на 15 июля был пойман пуховой птенец, с писком спускавшийся мимо стационара к морю. Через 2 суток после полуночи у стационара вновь слышали голоса птенцов старика.

Aethia cristatella. Единственную информацию о гнездовании большой конюги на «северо-западной стороне» острова мы находим у А.И. Гизенко (1955), который, кстати, на острове Анциферова не бывал. До последнего времени статус большой конюги на этом острове остаётся неопределённым, хотя небольшое число конюг в непосредственной близости от острова мы наблюдали в июне 1995 и 2000 гг. (Артюхин и др. 2001). Своеобразное поведение большой конюги в местах гнездования, в частности, ежедневное образование прилетающими в вечернее время с моря птицами так называемой «карусели» перед посадкой на гнездовые колонии, делают этих птиц в местах размножения очень заметными. Тем не менее, за весь период наблюдений в июне-июле 2007 г. мы ни разу не видели конюг ни на самом острове, ни в его акватории. Это даёт основание совершенно однозначно заключить, что на юго-западной экспозиции острова большая конюга не гнездится. Полностью исключить возможность гнездования этого вида на острове нельзя, но следует признать, что размножение большой конюги в других частях острова маловероятно, поскольку, образуя «карусели», птицы летают обычно по кругу большого диаметра, пролетая и над теми участками, где гнездовые поселения отсутствуют.

Cerorhinca monocerata. Единственное обнаружение вида на острове Анциферова произошло в 2001 году, но статус тупика-носорога остался не выясненным (Артюхин и др. 2001). В 2007 году он на острове и в его акватории не наблюдался.

Lunda cirrhata. По-видимому, топорок – самая массовая птица на острове, превосходящая по численности даже глупыша. Почти все склоны острова Анциферова обильно поросли травой, в основном колосняком. В местах его произрастания присутствует мощный слой дерновины и почвы, в котором топорки устраивают свои многочисленные норы. Подобные гнездовые биотопы топорка на острове обширны.

Fratercula corniculata. Современный статус ипатки на многих островах Курильской гряды не вполне определён, о чём недавно сообщалось в публикации, подготовленной на основании довольно обстоятельного исследования морской орнитофауны Курильского архипелага (Артюхин и др. 2001). Тем не менее, в этой статье для острова Анциферова ипатка приводится в качестве гнездящейся. 4-20 июля 2007 одиночная птица (однажды пара) неоднократно отмечалась как в полёте, так и на уступах скал в одном и том же месте над смешанной колонией кайр и моевок в Северной бухте. По-видимому, здесь одна пара гнездилась (всего одна на 0.5 км побережья). Вероятнее всего, численность рассматриваемого вида на острове очень низкая, вероятно, даже ниже указанной для этого вида в нашей предыдущей работе, а именно, 100 особей, или 50 пар (Артюхин и др. 2001).

Л и т е р а т у р а

- Артюхин Ю.Б. 2003. Дополнения к «Кадастру колоний морских птиц Курильских островов» // *Биология и охрана птиц Камчатки* 5: 10-12.
- Артюхин Ю.Б., Трухин А.М., Корнев С.И., Пуртов С.Ю. 2001. Кадастр колоний морских птиц Курильских островов // *Биология и охрана птиц Камчатки* 3: 3-59.
- Гизенко А.И. 1955. *Птицы Сахалинской области*. М.: 1-328.

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2008, Том 17, Экспресс-выпуск 418: 749-757

Зимний состав орнитофауны Канино-Тиманской тундры и прилегающей к ней северной окраины лесотундры

А.В.Михеев

*Второе издание. Первая публикация в 1948**

О зимней фауне птиц европейской тундры и лесотундры мы до сих пор располагаем скудными сведениями, поэтому имеющийся в моём распоряжении небольшой материал представляет интерес и заслуживает опубликования.

Предметом настоящей статьи являются наблюдения, произведённые мною во время экспедиции, снаряжённой Зоологическим музеем

* Михеев А.В. 1948. Зимний состав орнитофауны Канино-Тиманской тундры и прилегающей к ней северной окраины лесотундры // *Охрана природы* 5: 95-105.

Московского университета в 1938 году для изучения орнитофауны Тиманской тундры.

Во время этой экспедиции мною, вместе с покойным препаратором музея В.Федуловым, был совершён зимний маршрут санным путём от Архангельска до реки Вельть (Тиманская тундра).

В области лесотундры наш маршрут проходил через г. Мезень, селения Семжа, Мгла, Несь, Вижас, Ома, Снопа, Нижняя Пеша, а в области тундры – через низовья рек Волонга, Великая, Индига, Вельть. Первая часть пути с остановками для обследования и сбора материала проделана в период с 21 марта по 8 апреля, вторая часть – с 9 по 17 апреля 1938. Стационарное изучение зимнего состава птиц Тиманской тундры производилось в низовьях реки Вельть в остальную часть зимы, т.е. примерно до конца апреля, когда здесь появились первые признаки весны. Для уточнения надо сказать, что по причине низких температур и наличию не начинающего ещё таять снегового покрова апрель должен быть причислен к зимним месяцам, однако световой фактор действует в это время даже более интенсивно, чем в весенние месяцы средней полосы СССР.

Говоря о птицах лесотундры, я имею в виду только самую северную её окраину. В обследованных мною районах она проходит в окрестностях сёл Несь, Ома, Снопа, Нижняя Пеша. В этих пунктах, а также в селе Верхняя Пеша (22 км южнее Нижней Пеши) мы делали более длительные остановки для сбора материала.

Северная окраина Канинской лесотундры представляет собою в основном типичную тундру, местами прорезаемую узкими языками леса, идущими на север. В окрестностях сёл Несь и Вижас поверхность тундры в основном ровная, с небольшим количеством кочек. Но чем далее на восток, тем рельеф более резко выражен, тундра становится более бугристой, с большим количеством кочек, напоминая Тиманскую тундру в районе низовьев реки Вельть. Местами в низинах и балках имеются заросли ивняка и карликовой берёзы, последняя растёт и по ровным местам. Однако и ива, и карликовая берёза здесь распространены значительно меньше, чем в Тиманской тундре.

Вклинивающиеся в тундру участки леса состоят главным образом из берёзы с примесью ели. Берёзы невысокие, с раскидистой, корявой кроной, характерной для заболоченных почв. Местами примешивается ива и можжевельник. Нередко на открытых пространствах тундры виднеются одиночные низкие тощие сосенки и ёлочки – последние отпрыски леса на его северной границе. Языки леса идут в тундру только по долинам рек и низинам. В речных долинах лесные насаждения часто образуют густые заросли берёзы, ивняков и ольхи, довольно низкие, до 5-8 м высотой. В таких местах на окраинах заболоченных низин и на возвышенных местах видны бывают одиночные ели и кусты

можжевельника. Нередко встречается кустарник волчье лыко. В окрестностях села Верхняя Пеша лес выражен значительно лучше. Здесь имеются довольно обширные площади чистых березняков, елово-сосновых и смешанных насаждений.

Последние признаки леса в виде отдельных берёзок и ёлочек мы наблюдали на реке Волонге. Далее наш маршрут проходил по чистой типичной тундре, где и в долинах рек, кроме ивняков, мы никаких других древесных насаждений не видели (не считая карликовую берёзу). Правда, по берегам реки Великой (в 4 км от устья) среди зарослей ивы обнаружены были куртинки ольхи и кустики смородины.

Перед рекой Великой и несколько восточнее её рельеф тундры в общем ровный, слабо бугристый. Далее путь проходил по Тиманскому «камню» — возвышенной местности с редкими невысокими сопками. По речным долинам и низинам видны были заросли ивняка, увеличивающиеся с продвижением на восток, а на водоразделах — карликовая берёза.

Собранный нами материал позволяет отметить в качестве зимующих следующие виды птиц.

Lagopus lagopus. Белая куропатка довольно обычна как в тундре, так и особенно в лесотундре. Будучи одной из наиболее многочисленных гнездящихся птиц в тундре, белая куропатка в основной своей массе обычно улетает на зиму в лесотундру. Связано это с тем, что большинство кустарниковых зарослей ивы и карликовой берёзы в тундре заносится снегом, и кормовая база этих птиц значительно сужается. Тем не менее, по наиболее высоким зарослям долин рек, незаносимым снегом, некоторое количество куропаток ежегодно остаётся в тундре в течение всей зимы. Здесь они находят достаточное количество корма в виде почек и тонких веток ивы, а также защитные условия от непогоды. Чем малоснежнее зима, тем больше сохраняется незанесённых кустарников и тем больше количество птиц зимует в тундре, и наоборот. В особо малоснежные зимы, каковою была зима 1937/38 гг., почти все куропатки зимуют в тундре и в очень небольшом числе прилетают в леса. В зимы с высоким снеговым покровом основная масса держится в лесах, и главным образом в северной полосе лесотундры. Именно в силу этого селения Несь, Вижас, Ома, Нижняя Пеша являются пунктами наиболее массового зимнего промысла белой куропатки.

Lyrurus tetrix. Тетерев широко распространён по всей лесотундре. На север проходит до последних лесков. В качестве обычной как гнездящейся, так и зимующей птицы отмечен по всему нашему маршруту в северной полосе лесотундры.

Tetrao urogallus. Глухарь регулярно гнездится и зимует в лесотундре, но в значительно меньшем числе, чем тетерев. Довольно обычен в

окрестностях села Верхняя Пеша, мало его в окрестностях села Мгла и очень редок в самой северной полосе лесотундры – окрестностях селений Несь, Вижас, Нижняя Пеша. Как птица крупных лесов, глухарь не заходит так далеко на север, как тетерев.

Tetrastes bonasia. В лесотундре рябчик зимою обычен, в значительном количестве проходит далеко на север, во всяком случае, его много в окрестностях сёл Мгла и Верхняя Пеша. Однако, как и глухарь, в северной окраине лесотундры крайне редок.

Larus hyperboreus. В некотором количестве большая полярная чайка регулярно зимует у берегов незамерзающего Баренцева моря. В апреле, до весеннего прилёта, за одну поездку на побережье близ устья реки Вельть я добыл 5 чаек, причём в поле зрения можно было видеть до 15-20 летающих птиц. Наблюдались и другие более мелкого размера чайки, но добыть и установить их вид не удалось.

Clangula hyemalis. По утверждению местных жителей, морянки, как и полярные чайки, ежегодно встречаются зимою небольшими группками у незамерзающих берегов Баренцева моря. За месяц до весеннего прилёта 4 морянки наблюдал я на море в районе устья реки Вельть.

Falco gyrfalco. Кречет встречается зимою регулярно как в тундре, так и в лесотундре. По утверждению местных промысловиков, в лесотундре становится более заметным с момента прилёта сюда из тундры белых куропаток, причём его бывает значительно больше в годы массового появления последних. Это указывает на известную связь кречета с кочёвками куропаток, являющихся основным объектом его питания в зимний период.

Astur gentilis. Ястреб тетеревятник регулярно встречается зимою как в лесотундре, так и в самой тундре. Во время поездки по лесотундре неоднократно наблюдал этого хищника, встретил его в тундре, в устье Великой, где он охотился за попавшими в силъя белыми куропатками. Зимою был пойман одним охотником близ устья реки Вельть в капкан, поставленный на песка. Таким образом, тетеревятник на зимовье проникает в тундру до самого побережья моря.

Bubo bubo. Зимою в северной окраине лесотундры, по-видимому, обычен, так как местные жители хорошо знают эту птицу. Залетает иногда и в тундру. Зимою 1937/38 гг. в низовьях реки Вельть одним охотником был убит филин, который раздирал попавшего в капкан песка. Посещение филином тундры – явление нередкое, так как о случаях порчи этой хищной птицей пойманных в капкан песцов я слышал от местных жителей неоднократно.

Nyctea scandiaca. Белая сова является обычной зимующей птицей как тундры, так и лесотундры. Мне неоднократно приходилось её видеть и тут, и там. Местные жители утверждают, что чем больше зимует

в тундре белых куропаток, тем чаще встречаются здесь и совы, и наоборот. На эту же связь указывают и жители лесотундры, куда вслед за белой куропаткой мигрирует и сова, для которой куропатка является основным зимним кормом. Для промысловиков лесотундры белая сова представляет одну из наиболее вредных птиц, в большом количестве поедающих попавших в силъя куропаток. Встречается здесь только зимою, на лето улетает.

Strix nebulosa. Будучи типично таёжной птицей, бородатая неясыть зимою заходит в самую северную окраину лесотундры. Так, в середине марта местный охотник добыл в окрестностях селения Несь одну птицу, шкурку которой передал мне.

Picoides tridactylus. Довольно обычный вид северной части лесотундры. Трёхпалый дятел часто встречался нам в лесах, окружающих Верхнюю Пещу, здесь был нами добыт.

Dryobates minor. Подобно трёхпалому, малый пёстрый дятел регулярно встречается зимою в лесотундре, заходя до самой северной её окраины. Встречен и добыт нами, в частности, в окрестностях села Несь, в берёзовых и ивовых зарослях, расположенных в пойме одноимённой реки. Наблюдали здесь этого дятла обыскивающим очень тонкие стволы и ветви низких кустарников, чего не увидишь в лесной полосе. Следует указать, что северная граница ареала этого вида до сих пор проводилась по широте Архангельска, т.е. более чем на 1.5° южнее нашего пункта встречи.

Corvus corax. Бóрон обычен в лесотундре, регулярно встречается зимою в тундре. Мы неоднократно наблюдали по пути пары и одиночки этих птиц по всей тундре, вплоть до морского побережья.

Corvus corone. Серая ворона довольно редка как в северной окраине лесотундры, так и в тундре, по крайней мере к северу от г. Мезени. В 20-х числах марта в городе Мезени ворона была отмечена нами как обычная и немалочисленная птица. В первой половине апреля она была встречена в селе Индига, а около 20-х чисел этого месяца – по ивнякам низовьев реки Вельть. По собранным нами от местных жителей сведениям, в северной окраине лесотундры (Несь, Вижас, Ома) ворона гнездится в небольшом числе ежегодно. На зиму улетает, а перед весной вновь возвращается. Некоторая часть птиц остаётся здесь на всю зиму. Серую ворону я регулярно встречал в Тиманской тундре в районе низовьев реки Вельть в течение всего мая и июня. Но птицы держались или одиночками, или группками в 3-4 штуки. Добытые в середине мая и начале июня имели совершенно неразвитые половые железы, в результате чего в некоторых случаях даже трудно было определить пол. По-видимому, в тундру залетают кочующие неполовозрелые молодые особи, и граница гнездовой области серой вороны едва ли заходит далее северных окраин полосы лесотундры.

Corvus monedula. Нами наблюдалась только в городе Мезени; севернее, по-видимому, зимою не бывает. Как удалось нам выявить, самым северным пунктом гнездования галки являются окрестности села Семжи (40 км к северу от г. Мезени). По словам жителей, держится она здесь в окружающих лесах, гнездится в дуплах деревьев.

Pica pica. Зимою в лесотундре сорока встречается регулярно, но в самую северную окраину не заходит. В окрестностях селения Мгла она держится круглый год, и зимою, и летом. В окрестностях села Вижас она в небольшом числе гнездится, но на зиму улетает, а к весне возвращается. Не знают сороки в селениях Несь, Ома, Нижняя Пеша. В селе Верхняя Пеша сороки появляются в некоторые годы или зимою, или летом, но это для местных жителей целое событие.

Perisoreus infaustus. Кукша – довольно обычная птица лесотундры, но не многочисленная. Доходит до северной окраины лесотундры. Мы встречали её в лесах, окружающих сёла Мгла и Верхняя Пеша. Здесь она приносит значительный вред промышленникам, расклёвывая попавших в силля белых куропаток.

Acanthis hornemanni. Обычна зимою по всей лесотундре, в том числе и в северной окраине, где мы её встречали регулярно. Изредка посещает зимою и тундру, держась здесь в незанесённых снегом кустарниках. Стайки этих птичек, по словам местных жителей, можно иногда видеть также на торчащих из снега стеблях травянистых растений.

Pyrrhula pyrrhula. Встречается зимою по всей лесотундре вплоть до её северных границ. Снегирь нередко встречался нам на всём пути по лесотундре и, в частности, в окрестностях Верхней Пешы. Держался группками по 3-15 штук в хвойных и смешанных лесах, а также по зарослям берёзы и ивы в урёмах рек.

Pinicola enucleator. Являясь типично таёжной птицей, щур обычен зимою по всей лесотундре, залетает и в тундру, добираясь по кустарниковым зарослям рек почти до берегов моря. Стайки этих красивых птиц мы встречали по всему пути в лесотундре. В начале апреля группки в 15-20 щуров ежедневно наблюдались нами в тундре близ устья реки Великой в ивняках и по соседству с последними – на проталинах.

Loxia leucoptera. Хотя, по-видимому, и редко, но в лесотундру заходит зимою. Нами встречена пара этих клестов в лесах между селениями Семжа и Мгла. В северной окраине лесотундры не обнаружен.

Passer domesticus. Довольно обычен зимою по всей северной полосе лесотундры. В большом количестве мы наблюдали домашних воробьёв в селе Мезени, в порядочном – в сёлах Несь и Ома. К востоку от Омы не встречен. Не знают воробья жители Нижней Пешы и Верхней Пешы. Связано это, по-видимому, с тем, что хлебные посевы имеются только к западу от села Омы, восточнее они отсутствуют. Таким обра-

зом, можно полагать, что самый северный пункт распространения домашнего воробья в данной местности – Несь, самый восточный – Ома.

Passer montanus. Подобно предыдущему виду, полевой воробей в лесотундре встречается зимой регулярно. Наблюдался в тех же пунктах, что и домашний воробей.

Certhia familiaris. Встретил в первых числах апреля в окрестностях Верхней пеши, где несколько раз наблюдал одиночных птиц, с писком лазавших по стволам елей. до сих пор северную границу распространения пищухи в европейской части СССР проводили по широте Вологды, Перми, Казани. Нахождение её близ северной границы лесотундры является неожиданным. появляется ли здесь она в период кочёвок или же держится и летом, остаётся невыясненным. Я склонен думать, что гнездовая область пищухи охватывает по крайней мере северную часть тайги.

Parus cinctus. Буроголовая гаичка довольно обычна зимою по всей лесотундре, в том числе и северной её окраине. Мы часто встречали её по всему пути, в том числе в окрестностях селений Несь и Верхняя Пеша. Держалась здесь в зарослях берёзы и ивняка с примесью елей.

Parus palustris. [? – ред.]. Зимою в лесотундре редка, как, видимо, и в остальные части года. Встретил и добыл единственный экземпляр в окрестностях села Несь в зарослях берёзы и ивы по небольшой реке. Нахождение здесь черноголовой гаички интересно в том отношении, что северную границу распространения этого вида до сих пор относят к широтам средней полосы европейской части СССР.

Как видим, зимнюю фауну птиц тундры составляют 11 видов: белая куропатка, большая полярная чайка, морянка, кречет, ястреб-тетеревятник, филин, белая сова, ворон, серая ворона, щур и тундряная чечётка.

В северной окраине лесотундры зимует значительно больше птиц. Их насчитывается 25 видов: белая куропатка, тетерев, глухарь, рябчик, кречет, ястреб-тетеревятник, филин, белая сова, бородатая неясыть, трёхпалый дятел, малый пёстрый дятел, ворон, серая ворона, галка, сорока, кукушка, тундряная чечётка, снегирь, щур, белокрылый клёст, домашний воробей, полевой воробей, пищуха, буроголовая гаичка и черноголовая гаичка. Несомненно, что при беглом маршрутном обследовании лесотундры ряд видов нами был пропущен и общее число зимних птиц этой полосы в действительности больше.

Из 27 отмеченных нами видов 9 свойственны зимней фауне как тундры, так и лесотундры. К ним относятся все зимующие в тундре птицы, за исключением полярной чайки и морянки, связанных с незамерзающими водами, отсутствующими в лесотундре. Следовательно,

нет ни одного вида птиц, зимовка которого целиком ограничивалась бы одной зоной тундры.

Из 11 встречающихся зимою в тундре видов 7 принадлежат к коренным гнездящимся здесь птицам: белая куропатка, полярная чайка, морянка, кречет, белая сова, ворон и тундряная чечётка. Четыре же вида, или 36.4%, относятся к типичным обитателям леса, прилетающим сюда в поисках корма: тетеревиный, филин, щур и серая ворона.

Следует сказать, что из отмеченных выше гнездящихся птиц тундры на зиму здесь остаётся далеко не всё поголовье, а в большинстве случаев лишь незначительное число особей, способных пропитаться скудными зимними запасами кормов покрывающейся снегом тундры. Основная же масса откочёвывает в лесотундру или в более южные широты.

Таким образом, выявляется характерная особенность зимней фауны тундры: она формируется частью из гнездящихся здесь птиц, а частью прикочёвывающих из лесной полосы. Замечательно то, что одни птицы из-за недостатка корма вынуждены на зиму покидать тундру и улетать в леса, другие же, наоборот, оставляют леса и в поисках корма прибывают в тундру, где находят его и оседают.

Отсюда следует, что установившееся представление о тундре зимою, как о мёртвой пустыне, далеко неправильно. Число зимующих здесь видов составляет свыше 15% от числа всех зарегистрированных в Тиманской тундре птиц (включая пролётных и кочующих) и 19% от числа гнездящихся в ней видов. Большинство зимующих в тундре птиц связано с животными кормами, и только три вида: белая куропатка, щур и тундряная чечётка, — растительноядны. Зимующих хищников 4 вида (36.4%). Всё это связано с тем, что животные корма зимою в тундре более доступны и обильны.

Основной кормовой базой для животной формы являются здесь белая куропатка, песец и мышевидные грызуны. Ими питаются все хищники.

Зимняя орнитофауна северной окраины лесотундры состоит главным образом из птиц, связанных с лесом. К ним примешивается некоторое количество видов, сопутствующих жилью человека (домашний воробей, полевой воробей, а также серая ворона, галка, сорока), и видов, прилетающих из тундры (белая куропатка, кречет, белая сова, тундряная чечётка). В самых северных участках леса проводят зиму не только прикочевывавшие сюда птицы с севера, из тундры, но и из более южных широт лесной полосы. К таким видам можно отнести типичных обитателей тайги, как клёст, снегирь, щур и кукушка. При более детальном изучении количество таких видов, вероятно, увеличится.

Тот факт, что наши северные птицы кочуют не только к югу, но и на север, выбираясь из лесов и проникая далеко вглубь открытой тун-

дры, лишний раз свидетельствует, что причина зимних кочёвок лежит не в климатических условиях, а в недостатке кормов, в поисках которых птицы совершают передвижения в самых различных направлениях.

Выводы

1. Зимняя фауна тундры складывается из как из птиц, гнездящихся в тундре, так и из видов, прикочёвывающих сюда из лесной полосы.

2. Количество зимующих в тундре видов, а также факт прилёта на зиму сюда птиц из лесной полосы свидетельствует о неправильности создавшегося представления о тундре зимою, как о мёртвой.

3. Зимующие в тундре виды свойственны также и зимней фауне северной окраины лесотундры. Нет ни одного вида, зимовка которого ограничивалась бы одной зоной тундры.

4. Из гнездящихся зимних птиц тундры на зиму остаётся здесь далеко не всё поголовье, а лишь некоторая часть. Количество остающихся зимовать птиц тесно связано с высотой снегового покрова и в разные годы сильно колеблется.

5. Большинство зимующих в тундре птиц являются животноводными формами, что связано с большим обилием и доступностью здесь животных кормов. Среди этих форм преобладают хищные птицы.

6. Основными объектами питания хищников зимою является белая куропатка, песец и мышевидные грызуны. Поэтому с кочёвками белой куропатки и песца связаны и кочёвки хищников.

7. Зимняя фауна птиц северной окраины лесотундры состоит из птиц лесной полосы, сопутствующих жилью человека и прилетающих из тундры.

8. Анализ зимней фауны тундры и северной окраины лесотундры показывает, что в зимний период в поисках корма птицы кочуют не только в южном, но и в северном направлении, выбираясь из лесов в лесотундру и даже в открытую тундру.

«Чужая» песня дубровника *Emberiza aureola*: гибридизация или импринтинг?

И.В.Фефелов¹⁾, В.Е.Ивушкин²⁾

¹⁾ НИИ биологии при Иркутском государственном университете,
а/я 24, 664003, Иркутск. E-mail: u000438@ic.isu.ru

²⁾ ООО ИДЭК «Дриада», Иркутск, Россия

Поступила в редакцию 26 апреля 2008

27 июня 2006 у деревни Кударейка Эхирит-Булагатского района Усть-Ордынского Бурятского автономного округа (Иркутская область) мы наблюдали самца дубровника *Emberiza aureola*, песня которого не имела никакого сходства с типичной песней своего вида. Он пел как белошапочная *Emberiza leucoserphala* или как обыкновенная овсянка *E. citrinella*. Причём его песня была больше похожа на песню последней. Внешний вид птицы при рассматривании в бинокль с расстояния в 10-15 м не демонстрировал каких-либо заметных отклонений, которые могли бы говорить о гибридном происхождении. Размеры и окраска оперения особи были обыкновенными для взрослого самца дубровника, лишь несколько сильнее, чем обычно, была выражена белая «бровка» позади глаза. Возможно, мельче обычного были белые «эполеты» на верхних кроющих крыла, но рассмотреть птицу сзади или сверху не удалось.

Нужно отметить, что и обыкновенная, и белошапочная овсянки обыкновенны в этой местности.

Можно выдвинуть несколько предположений относительно происхождения данной особи. Во-первых, наблюдавшийся самец мог быть «латентным» гибридом дубровника и обыкновенной или белошапочной овсянок, фенотипически похожим на дубровника. Во-вторых, молодой дубровник мог по той или иной причине не иметь в своем окружении конспецифичных самцов, пение которых могло бы влиять на его певческие навыки, а имел звуковые контакты лишь с овсянками других видов. И наконец, третий возможный вариант как частный случай второго – откладка яйца самкой дубровника в гнездо обыкновенной или белошапочной овсянки с последующим воспитанием птенца в выводке чужого вида. Согласно сводке А.Д.Нумерова (2003), известен лишь один случай межвидовой подкладки яиц у представителей семейства овсянковых, который относится не к роду *Emberiza*. Безусловно, вторая и третья версии реальны лишь в том случае, если формирование песни у дубровника допускает столь точное заимствование. Наиболее вероятной представляется первая версия.

Отметим, что имеется общий фактор, повышающий вероятность любого из трёх перечисленных вариантов. Это снижение численности дубровника в южном Предбайкалье, единодушно отмечаемое рядом коллег из Иркутска. К сожалению, для того, чтобы подтвердить этот вывод количественными показателями, пока нет достаточного числа многолетних учётных данных. Но, в частности, в 2006 году на 1.5-километровом участке поймы ручья в окрестностях Кударейки описываемый самец с чужой песней оказался единственным певшим самцом дубровника, тогда как в 1980-1990-х годах здесь гнездилось от 2 до 4 пар этого вида.

Благодарим И.Р. Бёме за участие в обсуждении данного наблюдения.

Л и т е р а т у р а

Нумеров А.Д. 2003. *Межвидовой и внутривидовой гнездовой паразитизм у птиц*. Воронеж: 1-517.

